

Словомъ, какъ нарочно, климатическія условія сложились теперь самымъ неблагоприятнымъ образомъ.

Поздно ночью 4-го августа посланные за горы казаки возвратились и рассказали, что они объѣздили версть полтора, отыскали кочевья монголовъ, но объ Егоровѣ нигдѣ ничего не слышали. Участь несчастнаго теперь, повидимому, была разъяснена: его гибель казалась несомнѣнною, тѣмъ болѣе, что прошло уже пять сутокъ съ тѣхъ поръ, какъ Егоровъ потерялся. Тяжелымъ камнемъ легло на сердце каждого изъ насъ столь неожиданное горе. И еще сильнѣе чувствовалось оно при мысли, что гибель совершенно безцѣльно и безвинно одинъ изъ членовъ той дружной семьи, каковою могъ назваться нашъ экспедиціонный отрядъ.

На завтра мы покинули роковое мѣсто и направились къ западу по высокой долинѣ, которая залегла между главнымъ и крайнимъ хребтами. Пройдя версть 25, встрѣтили ключъ, отдохнули на немъ часа два, а затѣмъ пошли опять, съ цѣлю уйдти въ этотъ день какъ можно дальше. Караванъ шелъ въ обычномъ порядкѣ, всѣ ѣхали молча въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Спустя около часа послѣ того, какъ мы вышли съ привала, казакъ Иринчиновъ, по обыкновенію ѣхавшій во главѣ перваго эшелона, замѣтилъ своими зоркими глазами, что вдали, вправо отъ насъ, кто-то спускается съ горъ по направленію нашего каравана. Сначала мы подумали, что это какой-нибудь звѣрь, но вслѣдъ затѣмъ я разсмотрѣлъ въ бинокль, что то былъ человекъ и никто иной, какъ нашъ, считавшійся уже въ мертвыхъ, Егоровъ. Мигомъ г. Эклонъ и одинъ изъ казаковъ поскакали къ нему и черезъ полчаса Егоровъ былъ возлѣ нашей кучки, въ которой въ эту минуту почти всѣ плакали отъ волненія и радости...

Неожиданная
встрѣча.

Страшно перемѣнился за эти дни нашъ несчастный товарищъ, едва державшійся на ногахъ. Лице у него было исхудалое и почти черное, глаза воспаленные, губы и носъ распухшіе, покрытые болячками, волосы всклокоченные, взглядъ какой-то дикій... Съ подобною наружностію гармонировалъ и костюмъ, или, вѣрнѣе сказать, остатки того костюма, въ которомъ Егоровъ отправился на охоту. Одна злосчастная рубашка прикрывала теперь наготу; фуражки и панталонъ не имѣлось; ноги же были обернуты въ изорванныя тряпки.

Тотчасъ мы дали Егорову немного водки для возбужденія силъ, наскоро одѣли, обули въ войлочные сапоги и, посадивъ на верблюда, пошли далѣе. Черезъ три версты встрѣтился ключъ, на которомъ мы разбили свой бивуакъ. Здѣсь напоили Егорова чаемъ и покормили не-